

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 811

ПРИЧИННОСТЬ В ЯЗЫКОЗНАНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ КАУЗАЛЬНОСТИ

А. М. Амагов*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
amatov@bsu.edu.ru*

В статье изложен лингвистический подход к общефилософской категории каузальности. Показано, что каузальность в языкознании правомерно рассматривать как частный случай философской категории причинности. Дано определение каузальной конструкции в естественном языке.

Ключевые слова: каузальность, импликация, пропозиция, лингвистика, философия.

По самой своей сути, каузальность в языкознании является «калькой» с философской категории причинности, однако целый ряд особенностей не позволяет говорить о тождественности этих понятий в рамках двух областей знания. Дело в том, что каждое понятие в процессе своего практического употребления «флуктуирует», то есть расширяет и сужает границы своего значения. Как утверждает В.Я. Перминов, «бесчисленные нюансы в употреблении живого понятия в речи зачастую просто неуловимы, и мы не должны стремиться к тому, чтобы это сделать в определении. Когда речь идет об определении философской категории, задача состоит в том, чтобы схватить некоторое её ядро, её генетический центр» [8: 41 – 42].

Примером подобной флуктуации значения может служить и само русское слово «причина». Так, согласно А.А. Потебне, «русское причина есть причиняющее (*pot agentis*), причинение (совершение действия), причинённое (совершённое, сделанное); отражение действия на предмете имеет причиную действие субъекта» [9: 7]. Действительно, изначально слово *причина* подразумевало именно действие, причём, наверняка фактитивное. Однако высказывание типа *Пропасть стала причиной остановки* воспринимается нами как совершенно нормальное с любой точки зрения – и лексической, и грамматической. Разумеется, здесь не идёт речи о том, что пропасть совершила какое-то действие. Просто в сознании современного человека понятие причины далеко не всегда ассоциируется с активным началом, действием.

В вопросе о языковом статусе причинности мнения исследователей расходятся. Иногда причинность называют языковой категорией, что само по себе весьма спорно. Так, А.П. Комаров определяет каузальную связь как «лексико-синтагматическую категорию немецкого языка» [5]. В противоположность такому взгляду Л.Д. Тарасова ут-

верждает, что «... причинность является одной из основных бытийных, универсальных категорий... Причинность, как одна из основных понятийных категорий, выражается в языке при помощи лексических, синтаксических, словообразовательных, морфологических и других средств, образуя в языке функционально-семантическое поле причинности» [12: 55]. Безусловно, следует согласиться с Л.Д. Тарасовой в том, что причинность – одна из основных бытийных и понятийных категорий, добавив при этом, что причинность также важнейшая гносеологическая категория. Однако действительно ли причинность следует исключить из числа категорий языка? Попробуем разобраться, является ли причинность собственно лингвистической категорией или в языке это всё же совокупность способов выражения наиболее общего принципа связи явлений.

Для начала определимся с понятием «языковая категория». В лингвистическом энциклопедическом словаре даётся следующее определение: «Категория языковая – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства». На таком основании функционально-семантическое поле причинности вполне подпадает под определение языковой категории. Далее, понятийная категория, по определению, «замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения» (Языкознание БЭС).

Очевидно, причинность подпадает и под определение понятийной категории, но здесь необходимо учесть тот факт, что в некоторых языках каузальность выступает как грамматически связанное значение и, соответственно, попадает в разряд даже не лексико-семантических, а грамматических категорий. Например, в ряде языков есть падежные формы каузатива, каузативные аффиксы или специфические модели каузативного предложения. Поэтому мы, признавая за причинностью статус бытийной, гносеологической и понятийной категории и рассматривая её как функционально-семантическое поле, не можем полностью исключить каузальность и из числа собственно языковых категорий.

Многие философы и лингвисты обращают внимание на вопрос о роли истории языка как средства для исследования тех или иных философских понятий и категорий, в том числе и каузальности. Зачастую развитие понятия причинности анализируют, исследуя этимологию слов, выражающих причинность, и таким образом получают возможность выделить этап, на котором произошло становление данного понятия в мышлении человека. Например, санскритское *hetu* (причина) связано с *hinoti* (приводить в движение, побуждать, заставлять; бросать, швырять, кидать; помогать, содействовать). Древнегреческое *αἴτια* производно от прилагательного *αἴτιος*, первоначальное значение которого – имеющий долю, часть в чём-то. Латинское *causa* связывают с *cudo* (бить, ударять; колотить; толочь; чеканить). Исходное же значение слова *causa* реконструируется следующим образом – удар как основание для судебного дела. С глаголом *cudo* через посредство латинского существительного *causa* связаны слова, обозначающие понятие причины во многих языках романской группы, а также в английском: итальянское *causa*, французское *cause*, румынское *cauza*, английское *cause* [7: 16-17].

Таким образом, философское определение, как правило, абстрактно и не призвано охватывать абсолютно все (зачастую изменчивые) варианты понятия. Язык же обслуживает абсолютно все сферы общественной жизни, поэтому может выражать как абстрактные понятия, так и конкретные связи между событиями, в том числе и причинно-следственные.

Очевидно, формирование понятия причинности в сознании человека происходит в практической деятельности последнего, а не в результате пассивного созерцания разнообразных форм связи окружающих предметов и явлений, что противоречит утверждениям Д. Юма и в целом соответствует тезису Ф. Энгельса: «Благодаря деятельности человека и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого» (Энгельс, 1961: 545).

К аналогичному выводу, в частности, приходит и О.В. Маслиева, основываясь на результатах исследования каузальной лексики в языках различных групп. Вероятно, данное положение является вполне обоснованным, однако нас больше интересует другое: найти точки соприкосновения и различия между каузальностью как философским понятием и обыденными представлениями человека о причине, что чаще всего и находит отражение в языковых каузативных конструкциях.

В 20-е годы XX столетия американский философ Курт Дюкасс выдвинул сингуляристскую концепцию причинности, которая достаточно подробно изложена в книге Г. фон Вригта [18]. Суть концепции сводится к следующим положениям:

1. Философский анализ понятия причинности должен ориентироваться на общий смысл, т. е. понятие причинности должно быть зафиксировано в «реальном контексте».

2. Понятие причинности, как оно употребляется в обыденном языке, относится, прежде всего, к единичным явлениям. Нас интересует причина какого-то определённого события вне зависимости от того, повторяется оно или является совершенно уникальным в мировой истории. Причинная связь должна быть определена по отношению к конкретной системе условий. Регулярность следования – лишь возможное следствие причинной связи, но не её суть.

3. Если дана некоторая система условий S , то под причиной события B во время t_2 следует понимать то единственное изменение A в системе S , которое случилось во время t_1 , непосредственно перед возникновением события B . Такое определение причинной связи наилучшим образом соответствует обыденному пониманию причины в той или иной конкретной ситуации. Если автомобиль остановился, то шофёра интересует то конкретное изменение, которое произошло в моторе и отличает движущийся автомобиль от его настоящего состояния.

4. Неверно, что критерии выделения причинно-следственной связи предполагают многократное наблюдение соответствующей последовательности событий в опыте. Единичного наблюдения во многих случаях бывает вполне достаточно для установления причинно-следственной связи. В основе каузальной связи лежит онтологическая необходимость. В своём повседневном опыте мы постоянно наблюдаем именно необходимость онтологического, а не логического порядка. «Когда палач отрубил голову королю..., – пишет Дюкасс, – то для ближайших наблюдателей было бы неразумно сомневаться, что удар топора был необходимой причиной смерти короля».

Среди современных философов преобладает негативная оценка позиции Дюкасса. Особое нарекание вызывает тезис о непосредственно предшествующем любому событию единственном изменении в ситуации, которое весьма неопределённо: практически всегда мы имеем бесконечное множество изменений в ситуации, предшествующей любому событию [8: 60].

Нас, однако, в теории Дюкасса, прежде всего, привлекает тот момент, что автор апеллирует к понятиям «реальный контекст», «обыденный язык», «обыденное понимание». Ведь именно на основе этих понятий мы, как правило, строим высказывания с каузативным значением. Очень редко, если не брать в расчёт научную речь, говорящий стремится обосновать причину того или иного явления логически, на основе регулярности следования. В обыденной речи, говоря о причине, мы подразумеваем причины видимые (*prima facie*), непосредственно связанные с наблюдаемым изменением. Поэтому в нашей работе словом «причина» мы обозначим такое явление, которое именно говорящий считает стимулом, причиной изменения, пусть она и не обязательно будет логически обоснованной.

Так, в предложении *Дождь заставил её вернуться* под причиной мы будем понимать *дождь* – то есть событие, непосредственно предшествующее действию *она вернулась* и онтологически с этим действием связанное. Реально причиной может стать что-то ещё (человек изначально не желал никуда идти и дождь – скорее повод и т. п.), однако в подобных случаях причина зависит в основном от определённых, сло-

жившихся на данный момент условий. Учесть все эти условия мы зачастую бываем просто не в состоянии. Более того, попытка установить истинную причину того или иного объективного явления, лежащего вне сферы языка, может далеко увести нас от анализа конкретного языкового материала. В этих условиях нам представляется целесообразным дать другое, отличное от общепhilософского, определение причинно-следственной связи.

Таким образом, под *причиной* в общем виде подразумевается какое-либо вмешательство в «нормальный» ход событий (не обязательно действие), а под *следствием* – изменение исходного состояния той или иной системы, следующее за этим вмешательством, но никак не предшествующее ему.

Известно множество определений каузальной конструкции в языке. Здесь мы приведём лишь некоторые из них, выражающие, пожалуй, наиболее радикальные взгляды на каузальные языковые структуры. Так, многие лингвисты (Т.Б. Алисова, Е.И. Шендельс, С.Д. Кацнельсон) значительно сужают рамки каузальной связи и употребляют этот термин для обозначения далеко не всех построений, выражающих причинно-следственные отношения. Так, по мнению Т.Б. Алисовой, каузальной следует считать такую ситуацию, в которой активный субъект совершает «намеренное целенаправленное усилие», вызывающее «определённые изменения в признаках объекта» [1].

Аналогично Е.И. Шендельс полагает, что каузальность может иметь место только тогда, когда есть «проявление чужой воли» [13].

С.Д. Кацнельсон ещё более сужает рамки каузальности: по его мнению, это взаимодействие двух активных личных партнеров, из которых один побуждает или вынуждает другого совершить какое-либо *осознанное* действие. Ситуации, в которых действие совершается объектом каузации неосознанно, а также те, в которых имеет место воздействие человека на предметы или явления неживой природы или наоборот, С.Д. Кацнельсон каузальными не считает. Так, предложение *Огонь заставил противника залечь* рассматривается как каузативная конструкция, поскольку речь в нём идёт о фактивном осознанном воздействии (*огонь, стрельба*). Но вот в предложениях *Дождь заставил его вернуться* (осознанное действие объекта вызвано неличным субъектом) или *Шорох заставил её вздрогнуть* (неличный субъект порождает неосознанное действие объекта) автор усматривает лишь причинный компонент, но не считает такие конструкции каузативными, поскольку «каузальность и причинность – совсем не одно и то же» [4: 85 – 87].

Подобное сужение поля каузации представляется нам не вполне оправданным, поскольку связь, на самом деле, не перестаёт быть каузальной оттого, что причина не связана с целенаправленным усилием, проявлением чужой воли или не является осознанным воздействием, а следствие носит характер инстинктивной или даже вообще неосознаваемой реакции.

Впрочем, С.Д. Кацнельсон, как мы видели, вообще разделяет понятия причинности и каузальности, которые в философии тождественны. Каузальность, по С.Д. Кацнельсону, это сознательное взаимодействие двух личных агентов, а причинность в целом – любое обусловленное чем-либо действие. Как в этой связи не вспомнить Ф. Энгельса, который утверждал, что «Только исходя из универсального взаимодействия мы приходим к действительному каузальному отношению» [14: 546].

Большинство определений каузальной конструкции в языке всё же трактуют каузальность шире, отождествляют её с причинностью, опираясь на классическую философскую модель, где каузальность характеризуется как устойчивая генетическая связь явлений, из которых одно, причина, порождает или изменяет другое, следствие. Причина часто рассматривается как активное начало, а следствие – как пассивное, что, как уже говорилось, не всегда оправдано применительно к каузальным построениям в речи. Да и в самой философии такой взгляд часто подвергается критике, поскольку в нём не учитывается обратная связь между причиной и следствием.

Так, М.С. Таненцаф определяет каузативное действие как причину, которая влечёт за собой действие – изменение в предмете. Содержание причины определяет в большей или меньшей степени содержание следствия [11].

Г.Г. Сильницкий охарактеризовал каузативную ситуацию как содержащую, по меньшей мере, два состояния, связанных отношением каузации, отображающим причинно-следственное отношение между соответствующими атрибутами на референтном уровне [10]. Выделяется, соответственно, два состояния: antecedentes (причины, воздействия) и терминальное (следствие). При этом объект каузативной связи выступает как носитель и одного, и второго: он испытывает воздействие, в результате которого он переходит из исходного состояния (которое остается за временными рамками ситуации) в противоположное, терминальное. Субъект же определяется как актанта, который оказывает и тем самым побуждает или вынуждает (каузирует) терминальное состояние объекта, хотя сам носителем этого состояния не является. Центральную роль в каузативной ситуации, следовательно, отводится объекту. При этом субъект, по мнению Г.Г. Сильницкого, играет в каузативной конструкции лишь периферийную роль.

Склоняясь в целом к широкому толкованию каузальности, основанному на классической философской формуле, мы не можем не отметить того, что многие различия в определении каузальной конструкции связаны, скорее всего, не с принципиальными расхождениями во взглядах на причинность, а в разделении понятий «причинность» и «каузальность» некоторыми авторами. В таком случае просто получается, что каузальность – это не что иное, как частный случай, один из видов причинно-следственных отношений, т.е. понятие каузальности включено в более обширное по объёму понятие причинности.

Мы же будем исходить из того, что эти понятия суть тождественны и любую языковую единицу или структуру, выражающую причинно-следственные отношения, будем считать каузальной. Сошлёмся на определение двух признаков каузального высказывания, которое даёт М. Сибатани [17: 1-2].

1. Отношение между двумя событиями таково, что *говорящий уверен* (выделено нами), что «каузируемое событие» произошло в момент t_1 , который следует за моментом t_2 , т. е. временем «каузирующего события».

2. Отношение между каузирующим и каузируемым событиями таково, что *говорящий уверен* (выделено нами), что наступление каузируемого события целиком зависит от наступления каузирующего события; эта зависимость такова, что *внушает говорящему уверенность*, что каузируемое событие не произошло бы именно в то самое время, если бы не произошло каузирующее событие, при условии, что другие события остались бы прежними.

В данном определении основной акцент делается не на тот или иной формальный аспект причинно-следственных отношений, а на оценку говорящим определённой ситуации, которая, при соблюдении указанных условий, может считаться каузальной – речь идёт, по сути, о субъективном отражении необходимости и достаточности. Следует лишь добавить, что говорящий, произнося то или иное каузальное высказывание, вовсе не обязательно «уверен», что говорит о каузирующем и каузируемом событиях. Однако автор, по-видимому, сознательно не включил в определение случаи намеренной лжи – его вообще избегают многие лингвисты. Если же заменить слова «говорящий уверен» на «говорящий утверждает» или «говорящий уверяет слушающего», то и такие случаи попадут под приведённое определение.

М.В. Ляпон оценивает каузативную связь как «такую связь ситуаций, при которой одна из них *оценивается говорящим* (выделено мною – А.А.) как достаточное основание для реализации другой» [6: 111]. При этом круг отношений, предполагающих причинно-следственную зависимость, весьма широк. С этой точки зрения каузальные отношения могут выражаться в обоснованиях, предпосылках, порождающих и сопутствующих обстоятельствах, доказательствах, стимулах и т.д. Как видим, в приведённых определениях М. Сибатани и М.В. Ляпона авторы берут за основу прагматический

компонент – не соотношение означающего и означаемого, а, в первую очередь, отношение говорящего, «пользователя», к содержанию своего высказывания.

В этой связи представляется небезынтесным рассмотрение отношения каузальности в языке и причинно-следственных связей между внеязыковыми явлениями. Этот вопрос непосредственно связан с референцией: насколько вообще язык и речевые выражения соотнесены с внешними (внеязыковыми) явлениями? Вероятно, большинство людей считают, что речевые акты (а через них и лежащие в основе речепорождения языковые единицы) так или иначе соотносятся с явлениями внешнего мира, однако есть и иной взгляд на эту проблему. Кроме того, необходимо установить, каким образом осуществляется эта связь (если она есть вообще), т.е. является ли она непосредственной или опосредованной.

Некоторые лингвисты и философы, особенно неопозитивисты (Л. Витгенштейн, Д. Льюис и др.), рассматривают язык как некую игру, набор звуков, который выполняет определённую функцию в жизни человека, но никак не соотнесён ни с чем, что лежит за пределами сферы языка: ни одно языковое явление не представляет ни один внеязыковой факт [2]. При таком подходе вопрос о референции, как таковой, вообще отпадает. В данном случае каузальность в языке никак не соотносится с причинностью в окружающем мире и либо обозначает причинную зависимость одного языкового элемента от другого в процессе порождения речи, либо вообще теряет смысл. Сам Л. Витгенштейн, впрочем, вообще отрицал любые причинно-следственные связи.

Такой подход, впрочем, является спорным. Речевое выражение действительно может не иметь референции к внеязыковому феномену. Примером такого выражения может служить доказательство математической теоремы, пример предложения из учебника грамматики и т. п. Однако в любом случае речевое выражение (построенное по правилам языка) соотносится с неким образом или системой образов (концепт, фрейм), которые также являются вневингвистическими. Более того, если взглянуть на проблему референции с позиций каузальности, можно признать, что часто именно внеязыковые явления служат причиной того или иного высказывания.

Скажем, человек выглядывает в окно, видит мокрую улицу, прохожих с зонтиками и говорит: *Идёт дождь*. Подобное высказывание непосредственно связано с тем, что данный человек видит в окно, т.е. с внеязыковым явлением. Связь между языковым выражением и вневингвистической ситуацией становится, таким образом, очевидной.

Взгляды, которые оставляют за языком функцию референции к внеязыковым явлениям и объектам можно свести к двум направлениям: предметно-референтному и образно-референтному. Б. Аббот называет эти подходы, соответственно, «семантическим реализмом» и «семантическим идеализмом» [15: 129-132], однако данные термины представляются не вполне удачными в силу того, что не могут рассматриваться как частные случаи реализма и идеализма в целом.

Согласно предметно-референтному подходу, языковые выражения соотносятся с внеязыковыми явлениями непосредственно. Сами внеязыковые явления могут как зависеть от сознания говорящего (мысли, ощущения), так и не зависеть (например, деревья).

В любом случае, референция производится не к образу предмета или явления в сознании говорящего/адресата, а к самому предмету или явлению непосредственно.

Образно-референтный подход также предполагает референцию, но не к самим предметам или явлениям, а к их образам в сознании человека. Иными словами, референция рассматривается как взаимосвязь между лингвистическим выражением и восприятием говорящим/слушающим предметов и явлений внешнего мира [16, 15].

В свете этих двух направлений каузальность в языке можно толковать по-разному. С позиций предметно-референтного подхода эту категорию в лингвистике можно считать непосредственным отражением причинно-следственных отношений во внешнем мире (т.е. мире внеязыковых явлений). Отсюда вытекает вывод: все внеязы-

ковые причинно-следственные связи можно выразить средствами языка. Следовательно, все явления и процессы внешнего мира имеют (или могут иметь) лингвистическое выражение.

На первый взгляд такой подход кажется оправданным, однако при более пристальном рассмотрении проблемы возникает вопрос: может ли человек в своём языке отразить те явления и связи (в том числе причинно-следственные), которые не прошли через его сознание? Очевидно, что человек, не имеющий представления о причине того или иного явления, не в состоянии выразить связь этого явления с его причиной просто потому, что она не отражается в его сознании. Посредством языка мы способны выразить лишь то, что мы осознаём. Получается, что вообще референцию мы производим не к внешним объектам или явлениям как таковым, а к образам этих предметов или явлений в нашем сознании – сигнификатам. Кроме того, хранящаяся в сознании информация включает не только данные эмпирического опыта, но и продукты мышления.

Таким образом, всё многообразие причинно-следственных отношений не может отражаться в сознании либо потому, что человек не имеет достаточного представления о тех или иных причинах, либо потому, что он придаёт значение далеко не всем каузальным связям, существующим в природе. Следовательно, если мы допускаем существование всеобщих причинных связей, то это ещё не означает, что все они выражаются или хотя бы могут быть выражены средствами языка.

Каузальная связь, выражаемая языковыми средствами, обязательно включает в себя две ситуации. По терминологии Г.Г. Сильницкого [10], это «антецедентная» (исходная) и «терминальная» (конечная), т.е. то, что было до и стало после результирующего воздействия субъекта на объект. Соответственно, каузальное высказывание должно содержать две пропозиции: причинную и следственную. Любая пропозиция (чаще – следственная) может не выражаться эксплицитно, а лишь подразумеваться. Однако если высказывание описывает действительно каузальную ситуацию, то импликация в нём неизбежно связывает две означенные пропозиции независимо от способа их выражения. На примере простого предложения это может выглядеть следующим образом:

John killed the snake ⇒ The snake died

Здесь имплицитруемая пропозиция не выражена явно, хотя, несомненно, она подразумевается. Более того, если выражение *The snake died* в данной системе не является истинным, то и само предложение *John killed the snake* теряет смысл.

На основании сказанного логичным представляется следующее определение каузативной конструкции:

Каузальная конструкция – построение, соответствующее лексическим и грамматическим правилам того или иного языка и содержащее две пропозиции: имплицитрующую (причину) и имплицитруемую (следствие).

В настоящем определении мы стремимся подчеркнуть основную логическую операцию, лежащую в основе любого каузального построения любого (естественного или искусственного) языка – импликацию. При этом импликация связывает в данном случае не два явления объективного мира (денотаты) и не две языковых единицы, а две пропозиции, то есть относится к сигнификативной области.

Список литературы

1. Алисова, Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т.Б. Алисова. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1958.
3. фон Вригт, Г. Логико-философские исследования / Г. фон Вригт. – М., 1986.
4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972.

5. Комаров, А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи (к вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке) / А.П. Комаров. – Алма-Ата, 1970.
6. Ляпон, М.В. Прагматика каузальности / М.В. Ляпон // Русистика сегодня: язык, система и её функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 110 – 121.
7. Маслиева, О.В. Становление категории причинности / О.В. Маслиева. – Л.: Наука, 1987.
8. Перминов, В.Я. Проблема причинности в философии и естествознании / В.Я. Перминов. – М.: Изд-во МГУ, 1979.
9. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике: В 3-х т./ А.А. Потебня. – М., 1968 – Т. 3.
10. Сильницкий, Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук/ Г.Г. Сильницкий. – Смоленск, 1974.
11. Таненцапф, М.С. Исследование каузативных глаголов в немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.С. Таненцапф. – М., 1964.
12. Тарасова, Л.Д. Языковой статус причинной связи / Л.Д. Тарасова // Филологические науки, 1998. – № 1. – С. 50 – 55.
13. Шендельс, Е.И. Грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1952.
14. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. в 30-ти т. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – С. 339 – 626.
15. Abbott, V. Models, Truth and Semantics / V. Abbott // Linguistics and Philosophy, 1997. – Vol. 20(2). – Pp. 117 – 138.
16. Jackendoff, R.S. The Problem of Reality / R.S. Jackendoff // Noûs. – Bloomington, 1991. – Vol. 25(3). – Pp. 411 – 433.
17. Shibatani, M. The Grammar of Causative Constructions: A Conspectus / M. Shibatani // Syntax and Semantics. – New York: Academic Press, 1976. – Vol. 6. – Pp. 1 – 40.
18. von Wright, H. Causation and Determinism / H. von Wright. – London, 1976.

THE WAY LINGUISTIC CAUSALITY MIRRORS THE PHILOSOPHIC CATEGORY

A. M. Amatov

Belgorod State University

e-mail: amatov@bsu.edu.ru

The paper presents a linguistic approach to a more general category of causality. It is shown that causality in linguistic is a special case of the philosophical category. A definition of a causal construction in a natural language is given.

Key words: causality, implication, proposition, linguistics, philosophy.